

УДК 316.62 **Регуляция социального поведения в ситуации неустойчивости: виртуальный круглый стол**

Аннотация

Проблема регуляции социального поведения в ситуации неустойчивости обсуждается участниками круглого стола с разных точек зрения, позволяющих прояснить ее постановку и возможные пути решения. Дискуссия ведется вокруг как самого определения социального поведения, адекватного ситуации социальной неустойчивости, так и вариантов возможной концептуализации этой неустойчивости. Значительное внимание уделяется вопросу о субъективном измерении социальной неустойчивости, а также отношениям между уровнями социальной реальности (микро–мезо–макро), возникающими в процессе продуцирования регулирующих импульсов, способных в конечном счете повлиять на реальный рисунок поведенческих проявлений.

Ключевые слова: *социальное поведение, социальное действие, социальные практики, социальная трансформация, социальная переходность, социальная революция, субъективная реальность, габитус, рутинизация, адаптация, микро-, мезо-, макрорегуляторы социального поведения*

Введение

Уважаемые коллеги! Представляем вашему вниманию результаты работы виртуального круглого стола, посвященного проблеме социального поведения в ситуации неустойчивости. Идея такого круглого стола возникла в отделе социальной психологии Института социологии НАНУ, который в настоящее время работает над указанной проблемой. Поскольку предварительные обсуждения обнаружили живой интерес к этой теме со стороны коллег, не являющихся членами отдела, было решено перенести эту тему на исследовательскую площадку Исследовательского комитета САУ по социальной психологии.

Решение провести круглый стол в виртуальном формате было обусловлено рядом причин. Первая и самая банальная — сложность осуществления реального общения, громоздкость, затратность процедуры его организации. В этом смысле виртуальность — просто вынужденная замена реальности. Но есть и другие аргументы в пользу развития такого формата коммуникации, которые нам представляются обоснованными.

Виртуальность как таковая становится все более существенной составляющей нашей социальности, коммуникации все более приобретают виртуальный характер. О всех плюсах и минусах подобных процессов можно спорить, но нельзя отрицать их фактичности. А согласившись с этой фактичностью, целесообразно попытаться воспользоваться открывающимися здесь ресурсами. Именно это мы и попробовали сделать, предложив коллегам в формате электронных сообщений ответить на не-

сколько развернутых вопросов, касающихся проблемы регуляции социального поведения в ситуации нестабильности. Таким образом, в отличие от традиционных круглых столов, где формат высказывания участников задается лишь общей темой, здесь названные вопросы выступали в виде направляющих линий, концентрирующих внимание участников на ключевых (с точки зрения организаторов) моментах обсуждаемой проблемы. Участникам было предложено формулировать ответы в объемах, не превышающих 2 тыс. знаков, что и обеспечило краткость формулировок. Еще одним, с нашей точки зрения, преимуществом такого формата была невольная открывающаяся при этом демократичность — участники давали ответы в ситуации неосведомленности о том, что говорят другие. Это уводило от соблазна так знакомого психологам “присоединения к лидеру” — как известные ученые, так и начинающие могли высказывать именно свою точку зрения, без оглядки на то, что говорят другие.

Конечно, в результате обнаружились и явные минусы — нам удалось вовлечь в дискуссию далеко не такой широкий круг коллег, как хотелось, — из всей рассылки, включавшей 53 адресата, ответы прислали лишь 12 из них. Не откликнулись даже те, кто первоначально проявлял интерес к проекту. Скорее всего, это недоработки процедуры, с которой в будущем постараемся справиться. Второй момент, который не позволил нам сделать материал более привлекательным и живым, — отсутствие реальной дискуссии. Она могла возникнуть только в результате второго круга рассылки, от которого решено было отказаться по причине уже и так достаточного объема материала. Но в будущем нам кажется целесообразным ввести в процедуру этот этап.

Как и всякий современный проект, этот принципиально открыт и незавершен. Поэтому мы будем рады вашим отзывам, советам, предложениям — касающимся как содержания круглого стола, возможного развития темы, так и его формата, самой процедуры проведения. Присылайте их на электронный адрес организаторов проекта: lbevzenko@gmail.com

Для того чтобы читатели могли следить не только за содержанием дискуссии, но и за самой процедурой, приводим полностью текст первичного обращения к нашим участникам:

Обращение к участникам в формате e-mail рассылки

Уважаемые коллеги! Исследовательский комитет САУ “Социология личности” запланировал к исполнению на 2011 год тему “Регуляция социального поведения в ситуации нестабильности”. Начав рассмотрение этой проблемы в рамках семинаров, которые проходили в отделе социальной психологии Института социологии НАНУ, мы пришли к выводу, что тема заслуживает обсуждения в значительно более широком кругу отечественных социологов. Фактически процессы регуляции исследуются и описываются в разных контекстах во многих исследованиях, однако зачастую они присутствуют там латентно, не актуализируясь в авторских интерпретациях. В этой связи оправданной и актуальной выглядит попытка перевести проблематику регуляции из латентного состояния в явное, актуализировать эту тему в дискурсе отечественной социологии, попробовать понять в терминах социологической науки, как изменяется социальное поведение человека в условиях, которые определяются как “транзит”, “нестабильность”, “трансформации” и т.п., каковы механизмы его возможной регуляции. Приглашаем Вас присоединиться к нашему обсуждению и принять участие в работе виртуального (в режиме электронных сообщений) круглого стола, посвященного этой проблеме.

Ниже мы предложим Вам несколько вопросов, представляющихся нам ключевыми в плане раскрытия данной темы. Нам было бы очень интересно узнать Вашу точку зрения по поводу аспектов проблемы, заключенной в каждом из них. Сами формулировки вопросов уже содержат в себе некоторые концептуальные предложения. К этому мы предлагаем относиться как к стартовой позиции, облегчающей вхождение в диалог, позволяющей от чего-то оттолкнуться в процессе обсуждения.

Мы, конечно же, хотели бы услышать Вашу точку зрения по каждому из предложенных для обсуждения вопросов. Но будем рады и ответам лишь на некоторые из них, те, которые Вам покажутся наиболее заслуживающими Вашего внимания. Любая Ваша точка зрения для нас будет важна и интересна!

В работе круглого стола приняли участие:

Руководитель проекта: Злобина Елена Геннадиевна, заведующая отделом социальной психологии Института социологии НАНУ, доктор социологических наук.

Координатор проекта: Бевзенко Любовь Дмитриевна, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАНУ, доктор социологических наук.

Бойко Наталия Леонидовна, старший научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАНУ, кандидат социологических наук.

Головаха Евгений Иванович, заместитель директора Института социологии НАНУ, главный редактор журнала “Социология: теория, методы, маркетинг”, доктор философских наук.

Загороднюк Татьяна Юрьевна, младший научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАНУ.

Зоткин Андрей Алексеевич, научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАНУ, кандидат социологических наук.

Катаев Станислав Львович, профессор кафедры социологии и социальной работы Запорожского Классического частного университета, доктор социологических наук.

Мартынюк Игорь Орестович, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАНУ, доктор социологических наук.

Ненько Александра Евгеньевна, младший научный сотрудник факультета социологии КНУ имени Тараса Шевченко, кандидат социологических наук.

Паращевин Максим Анатолиевич, старший научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАНУ, кандидат социологических наук.

Резник Александр Станиславович, старший научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАНУ, кандидат социологических наук.

Саенко Юрий Иванович, заведующий отделом социальной экспертизы Института социологии НАНУ, доктор экономических и социологических наук.

Соболева Наталья Ивановна, ведущий научный сотрудник отдела социальной психологии Института социологии НАНУ, доктор социологических наук.

Черныш Наталья Иосифовна, заведующая кафедрой истории и теории социологии Львовского национального университета им. Ивана Франко, доктор социологических наук.

Вопрос 1

Начнем с самого понятия *социального поведения*. Смысловое наполнение его достаточно размыто — от понимания социального поведения как социального действия, за которым стоит определенный замысел, проект, до бихевиористского истолкования, отводящего социальному поведению роль реакции на социальные стимулы. Срединную позицию на этой смысловой оси может занять понимание социального поведения как совокупности социальных практик, мера осознанности или неосознанности которых может быть различной в зависимости от обстоятельств. ***Как Вы считаете, какой из предложенных смысловых акцентов наиболее адекватен для изучения социального поведения в ситуации нестабильности? Возможно, есть другие трактовки? Нужно ли пытаться дать более четкое определение или достаточно очертить область смыслов, которые будут эксплуатироваться в процессе работы?***

Александра Ненько: Мне импонирует определение социального поведения через понятие “практик” (как инварианта определения, приведенного в вопросе), так как это дает возможность максимально включить измерение изменяющихся социальных отношений, в котором собственно и происходит поведение. Социальные отношения я рассматриваю с позиции теории сетей. О сетевом характере социальных взаимодействий, а следовательно, и поведения, не говорят ни бихевиористская, ни “веберовская” парадигма. Они также не ставят акцент на источниках изменений и динамики социального поведения исходя из системы социальных взаимодействий, а опираются на упрощенную структуру “стимул–реакция” либо объяснение субъективного смысла, не уделяя внимания взаимности (reciprocity) социальных отношений. На мой взгляд, эти две парадигмы сохраняют налет психологичности, то есть ориентации на изучение поведения на уровне индивидуального сознания.

Данное в вопросе “срединное” определение сужает измерение практик до измерения осознанности, то есть упускает из фокуса комплексность факторов. Я бы расположила это определение вне оси “инстинктивное поведение (фактически объективная реакция) — гиперосознанное индивидуализированное поведение”. На мой взгляд, поведение, воплощенное в неких социальных практиках, уже имеет некоторую меру “осознанности”, которая основывается либо на схемах здравого смысла, так как социальные субъекты всегда опираются на предыдущий опыт при принятии решений, либо на такой рефлексивности, как интеллектуальная, которая предполагает отказ от упрощенных схем опыта, поиск более рациональных вариантов мышления и действия, вплоть до инновационных. Таким образом, некая “осознанность” присутствует в социальном поведении неизменно.

Я считаю, что важно также учитывать в определении компонент, который связан с измерением осознанности, но еще не был назван, а именно измерение “бессознательного” во фрейдистской и юнгианской интерпретациях. О ценности этого компонента в первой интерпретации свидетельствует уже громадное количество гуманитарного юмора на тему бессознательного, хотя это доказательство вряд ли может убедить “серьезные” социологические умы. Вторая интерпретация бессознательного, на мой взгляд, в принципе не популярна в социологической среде, хотя обращает внимание на достаточно серьезные моменты коллективной связности. Концепт “бессознательного” силен тем, что обозначает в качестве исходных корней бессознательного сублимированное социальное взаимодействие. Акцент на “бессознательном” важен в ситуации нестабильности и фрустрации. Стоит помнить, что непредвиденные факторы (скорее их частичная репрезентация) должны стать фактом для системы (сознания), чтобы начать влиять на социальное поведение.

Мне сложно сейчас дать уточненное определение социального поведения (согласна с тем, что его компонентами могут быть “практики” и некая мера осознанности). Считаю одним из возможных путей развития определения в когнитивных рамках теории сетей или систем социальных взаимодействий. Это было бы полезно и ввиду контекста нестабильности.

Максим Паращевин: Наиболее подходящей является очерченная срединная позиция. Социальное поведение всегда балансирует на грани осознанности и неосознанности (автоматизма), и это имеет место в любой ситуации. Разве что в условиях нестабильности неосознанные, автоматические составляющие социального поведения будут уменьшаться, вследствие их недостаточного соответствия имеющимся условиям. При этом можно выделять активное (набор действий, направленных на изменение окружающей среды или приспособление ее к себе) и ре-активное (действия, направленные на приспособление к действиям других субъектов, скорее защитные действия) социальное поведение. Когда человек (или группа) реализует определенный набор действий, направленных на удовлетворение своих нужд и интересов, его поведение будет продуманным,

калькулированным. В случаях ре-активного поведения последнее может быть как сознательным, расчетливым, так и автоматическим. Соответственно и в первом, и во втором случаях социальное поведение может формироваться и реализовываться как через определенные шаблоны, определенный набор действий, уже доказавших свою эффективность, так и через формирование новых образов и форм поведения. В стабильных условиях преимущество будет иметь ре-активное социальное поведение, тогда как в условиях нестабильности значительно актуализируется потребность в активном поведении, поскольку обычные, известные ее формы и образы теряют свою действенность.

Относительно способа определения, то, по моему мнению, нужно достаточно четкое и очерченное определение социального поведения, и в данном случае оно вполне возможно. Относительно конкретной формы определения можно дискутировать, но несколько ключевых моментов можно выделить. Во-первых, речь должна идти о действиях или практиках; к социальному поведению нужно относить лишь непосредственную физическую активность, без отношения, мнений, оценок. Во-вторых, это действия, направленные на изменение поведения других людей или групп либо на изменение собственного поведения под влиянием других людей/групп.

Станислав Катаев: Мне больше импонирует такой вариант: “понимание социального поведения как совокупности социальных практик, мера осознанности или неосознанности которых может быть различной в зависимости от обстоятельств”. Мне кажется, что четкие определения ограничивают исследователя формальными рамками. Нюансы лучше выявляются, если “очертить область смыслов, которые будут эксплуатироваться в процессе работы”.

Наталья Бойко: Дискуссии о разных подходах в научном дискурсе — тема вечная и неисчерпаемая. В принципе, я как социальный психолог — не сторонник понимания социального поведения в рамках классической бихевиористской традиции, поскольку такое понимание несколько упрощает и сужает исследовательское поле, обедняя и примитивизируя проблематику. Однако в рамках предложенного вами аспекта изучения социального поведения в ситуации нестабильности, на мой взгляд, именно *бихевиористский подход*, но в его современном модерном понимании может быть наиболее конструктивным и продуктивным. Так как здесь уже задан социальный раздражитель, а именно ситуация нестабильности, и предполагается анализ реакции на него, а именно — как человек будет вести себя в такой ситуации, как он будет реагировать на конкретную заданную ситуацию (стимул–реакция).

Андрей Зоткин: Не считаю бихевиористское толкование достаточным для объяснения социального поведения даже в условиях нестабильности, поскольку это слишком механизмирует человека и социальные взаимоотношения. Даже в условиях дестабилизации человек, находясь в состоянии общей дезориентации, не просто реагирует на внешние стимулы, а осуществляет *выбор*, согласно своей позиции, унаследованной или приобретенной в процессе усвоения нового опыта. Если исходить исключительно из бихевиористского толкования социального поведения, теряется любая возможность действия консервативных факторов, направленных на сохранение существующего состояния вещей (довольно часто люди избирают именно такой путь как механизм самозащиты). Поэтому я склонен согласиться с определением социального поведения как проявления позиции и установок людей.

Любовь Бевзенко: Я думаю, что бихевиористское понимание социального поведения — первое, что приходит на ум, когда мы встречаемся с данным понятием. Оценивая тот большой вклад, который внесли представители этого направления в исследование факторов влияния на социальное поведение, мы все же

должны констатировать значительное отличие нашей проблемной ситуации от той, с которой работали бихевиористы. Главное отличие в том, что бихевиоризм изучал поведение отдельного индивида, помещенного в достаточно стабильную, а главное — контролируемую ситуацию, формирующую внешние стимулы. И хотя в нашем случае мне представляется наиболее интересным рассмотреть процессы регуляции на уровне социального поведения отдельного индивида, проблема усложняется неконтролируемостью, нестабильностью социальной ситуации, из которой исходят соответствующие стимулы. Более того — получающий стимулы в то же время сам их отправляет тому, кто рядом. Столь близкие бихевиористам методы регуляции через процессы научения с помощью стимулов и антистимулов в таком случае не успевают срабатывать в силу нерегулярности, противоречивости таких стимулирующих (дестимулирующих) воздействий.

Теперь что касается социального поведения и социального действия. Не отрицая наличия возможности регуляции социального поведения через активизацию рефлексивности, осознанности поведенческих актов и их социальных последствий, я снова-таки не склонна преувеличивать их значимость в ситуации нестабильности. Думается, это тот случай, когда рациональное освоение ситуации оказывается затруднительным уже в силу отсутствия опыта обращения с тем новым в картине социального окружения, которое неминуемо несет в себе нестабильность. Таким образом, концептуализация социального поведения через понятие практик мне представляется в нашем случае оптимальной, но, правда, при условии уточнения механизмов изменения интенций к определенному рисунку совершения тех или иных социальных практик в ситуации неэффективности рутинизированных, привычных практических действий.

Юрий Саенко: Любое действие невозможно без стимулов — так или иначе, действие мотивировано. Оно происходит в оценочном фарватере правил, традиций, законов и морали.

В нестабильной ситуации имеются примерно следующие типы социального поведения:

- (а) приспособленческо-прагматическое — “ловля рыбки в мутной воде”: морально и правильно все то, что выгодно, эффективно, прибыльно;
- (б) деструктивное — довести все до развала, а на руинах создать что-то новое: “и как один умрем в борьбе за это”, а там “еще никогда так не было, чтобы как-то оно не было”;
- (с) стабилизационное — лишь бы только был порядок: неважно какой — путинско-медведевский, лукашенковский, назарбаевский или януковичевско-азаровский;
- (d) конструктивно-трансформационное — перевод ситуации из нестабильного состояния к заведомо определенной модели стабильности: так действовали Гитлер и Сталин, так действуют страны Восточной Европы (наши бывшие коммунопартнеры), трансформируя нестабильное посткоммунистическое состояние своих стран в сторону модели Европейского Союза.

Социальное поведение — это своеобразная (присущая индивиду, группе или социуму) форма, способ *выполнения определенного социального акта*.

Например, в завершение акта забивания гола футболисты как козлы прыгают друг на друга; в завершение победного гейма теннисистки бросаются в конвульсиях на корт и целуют его в иступлении. Страшно представить, чтобы на сцене филармонии певец бросался на пол и дергал ногами и руками после удачного концерта или музыканты скрипичного квартета образовывали козлиную “кучу малу”.

Итак, каждый индивид или сообщество выполняет определенное социальное действие в рамках и форме присущей им культуры.

Игорь Мартынюк: Начну с того, что крайние позиции — сознательное, рациональное vs реактивное, биоавтоматическое реагирование — всерьез современной наукой не рассматриваются, поэтому смещение трактовок к тому или иному полюсу определяется скорее исследовательскими задачами, нежели теоретическими догмами. Смысловую нагрузку в данном термине несет, на мой взгляд, понятие “социальное”, которое трактуется достаточно многообразно. В зависимости от выбора значение данного понятия приобретает определенную окраску. На мой взгляд, социальность поведения указывает на легитимированность в данном хронотопе определенных форм взаимодействия.

Татьяна Загороднюк: Если рассматривать социальное поведение как систему действий личности, в которой проявляются ее взаимоотношения с социальной средой, то, по моему мнению, в ситуации нестабильности социальной системы, основным признаком которой является разрушение ценностно-нормативных основ, решающую роль приобретает аффективный, когнитивный и моральный потенциал индивидуальных особенностей сознания и поведения людей.

Александр Резник: Социальное поведение является *совокупностью фактических действий и поступков индивида, осознанно направленных на других людей* для социального взаимодействия и социальных отношений.

Наталья Соболева: “Прагматический поворот” в эпистемологии и методологии социального познания отводит особую роль концепции практик в разрешении противоречия между “деятельностными” и “структурными” моделями в социологическом теоретизировании. В свое время Хоманс заменил субъекта и индивида “агентом”, а вместо поведенческих стратегий ввел “системы практик”. Практическая жизнь индивида является непрерывным процессом систематизации социальной реальности, благодаря чему человек вносит порядок в разнообразие своего опыта. Поэтому предметом рассмотрения должно стать даже не само по себе социальное поведение в виде деятельности, реакций субъекта на различные социальные раздражители, а его способность обеспечивать определенный социальный порядок в системе, причем не в смысле функциональной рациональности поведения, а в смысле легитимной возможности субъекта через те или иные поведенческие формы поддерживать, восстанавливать или создавать упорядоченный мир своей жизни. Здесь имеется в виду упорядоченность жизненного мира именно в социальном аспекте, то есть в системе возможных и допустимых (оправданных, по С.Рубинштейну) для этого субъекта и в данной социальной ситуации взаимоотношений, взаимовлияний и взаимодействий с другими людьми, группами, социумом.

Вопрос 2

Этот вопрос будет касаться собственно *ситуации социальной нестабильности*, которая является ключевым моментом в рассматриваемой проблеме. Нет недостатка в социологических наработках на тему регуляции социального поведения в стабильных, гомеостатических состояниях социальной системы, чего не скажешь о состояниях нестабильных и неравновесных.

Как может быть концептуализирована в социологических терминах эта нестабильность? Можно ли сказать, что есть несколько типов нестабильности, которые радикально разнятся прежде всего по отношению к регуляторам социального поведения? Один из типов нестабильности может еще быть описан в терминах переходности, трансформации (институциональной, социокультурной). Регуляция социального поведения при этом происходит преимущественно через механизмы адаптации. Но есть другая нестабильность, так сказать, более высокого порядка, когда разрушается уже то, к чему требуется адаптироваться (институты, нормы, ценности). Эта нестабильность уже описывается в

терминах революции, переворота и т.д. Каковы регуляторы социального поведения, работающие в случае такой нестабильности? Можно ли говорить о растущей неоднородности социального пространства в плане поведенческой реакции на нее, о поляризации по оси “активный протест – пассивное выжидание”?

Елена Злобина: Рассматривая теоретические конструкты, которые могут быть использованы для концептуализации социальной регуляции в ситуациях нестабильности, следует отметить, что такие векторы, как пассивность–активность, адаптивность–деадаптивность, описывают скорее реакцию субъекта, а не особенности регуляции как таковой. Что же касается последней, то, как правило, внимание исследователей концентрируется на том, как функционируют главные механизмы регуляции, в частности как меняется система социального контроля. Исходя из концепции Бергера, который выделяет такие круги контроля, как государство, общественные нормы, профессиональная среда, семья и частная жизнь, нестабильность прежде всего отражается на мощнейшем из субъектов контроля – государстве. Процесс этот разнообразный и во многих моментах неочевидный. В частности, довольно перспективным для анализа потери контролирующих и регулирующих влияний на этом уровне является, на мой взгляд, концепт легитимных практических схем, предложенный Ю. Качановым, особенно в контексте *потери способности эффективно продуцировать легитимные представления о своей необходимости и незаменимости ключевыми субъектами легитимации – властными институтами*. На уровне моральной регуляции нестабильность проявляется в кризисе консолидирующих социокультурных связей и норм. Из современных концептов уместно было бы привлечь для описания этого процесса концепт “культурного синдрома” (Триандис), под которым понимается набор элементов субъективной культуры, организованный вокруг некоторой темы. В этих терминах можно определить ситуацию нестабильности как ситуацию, в которой *сама организующая идея* (например, идея индивидуализма или коллективизма) *теряет конвенциональность*.

Максим Паращевин: Ситуация социальной нестабильности – это ситуация, когда теряют свою силу социальные структуры и институты (старые структуры уже не могут полностью контролировать социальные процессы), когда теряют свою действенность существующие правила и нормы (причем они не исчезают, а именно частично теряют действенность; в случае полной потери действенности создаются новые правила и нормы, и происходит стабилизация ситуации или полный распад и уничтожение социального сообщества; это социальное сообщество или входит в состав другого сообщества, или распадается на несколько сообществ). Правда, здесь возникает проблема различения ситуации нестабильности и ситуации кризиса. Являются ли эти термины синонимами или все-таки имеются некоторые отличия. С одной стороны, понятно, что кризисная ситуация всегда является одновременно ситуацией нестабильной. С другой стороны, трудно сказать, любая ли ситуация нестабильности является кризисной ситуацией.

Что касается разных типов нестабильности, то к уже предложенным можно добавить еще один тип – так называемую “временную нестабильность”. Ведь существуют ситуации, когда стабильность нарушается, а потом восстанавливается без каких-либо существенных трансформаций, без перехода куда-то. Происходит как бы испытание существующего порядка на прочность, и порядок это испытание проходит.

Отдельно необходимо подчеркнуть, что в общественных условиях по крайней мере двух последних десятилетий дихотомия стабильность–нестабильность теряет свою познавательную роль. В нынешних условиях стабильность становится очень относительной, поскольку социальные изменения, изменения условий обществен-

ного сосуществования происходят постоянно. Периоды стабильности становятся скорее периодами *временной стабилизации*, за которыми снова следуют периоды нестабильности.

Юрий Саенко: Думаю, есть два основных, базовых типа нестабильности: (а) *нестабильность в неопределенности* — индивид, сообщество или страна не имеет (не хочет, не видит) модели стабильности, к которой надо трансформироваться, и так и стагнирует (как Украина уже 20 лет) в нестабильном неопределенном состоянии;

(б) *временная переходная нестабильность* — есть цель, возможная модель стабильности, есть реальная программа перехода.

Любовь Бевзенко: Здесь хотелось бы уточнить один момент. С одной стороны, в фокусе нашего внимания находится социальное поведение отдельного индивида, но с другой — ситуация нестабильности не его индивидуальная (что делало бы проблему чисто психологической), а именно макросоциальная, что и придает задаче социально-психологическое звучание. Изучение регуляции социального поведения в таком случае для меня означает возможность обнаружения факторов, механизмов, позволяющих вводить социальное поведение отдельных представителей того или иного социума в режим той или иной меры взаимной согласованности, упорядоченности. Иными словами — в режим, допускающий их совместное пребывание в общем социальном пространстве. И с этой точки зрения, полагаю, *нестабильности действительно бывают разного качества*.

По большому счету, социум всегда находится в состоянии определенной неравновесности, нестабильности. Известно, что общий социальный порядок обеспечивается *институциональными и конвенциональными механизмами*. Часто нестабильность, исходящая от разрушения одного из таких механизмов, компенсируется с помощью другого. Классическая схема — ситуация социокультурного дисбаланса, описанная Мертоном, и разные типы аномии как способ преодолеть этот дисбаланс. Это нестабильность первого рода. Но *возникают ситуации, когда перестают работать оба механизма*. Не работают институциональные регуляторы, но и неписанные конвенции начинают нарушаться. На уровне индивида — тупик, фрустрация, ощущение того, что он не владеет практиками, дающими ему возможность как-то вписаться в этот социум. Это та ситуация, когда адаптивные резервы оказываются исчерпанными. В этом случае социальное поведение отдельного индивида может принимать непрогнозируемые очертания. Если таких индивидов оказывается много, то возникает то, что именуется бунтом, революцией.

Наталья Соболева: Смысл социального регулирования — поддержание или создание нового социального порядка, нормирование социального поля субъекта. *Социальная нестабильность* обусловлена не только и не столько быстрыми и радикальными социальными изменениями и преобразованиями, сколько их несогласованностью, разбалансированностью в различных сферах социальной жизни и общества в целом. Исходя из этого, сформулировать проблему можно следующим образом: в условиях социальной нестабильности модифицируется система регулирования социального поведения в рамках процесса конструирования образа социального мира и социальной реальности. Современная социальная ситуация предполагает широкую вариативность экономических, социальных и личных решений и требует активного, осмысленного и социально ответственного выбора действующим субъектом (индивидуальным или коллективным) культурных ориентиров собственного поведения из набора возможных альтернатив. Период социальной нестабильности для субъекта — каким бы ни было его объективное положение — психологически очень сложное время жизни, связанное с необходимостью не просто адаптации к новым условиям, но задействования более сложных механизмов регулирования его социальных

действий, обеспечивающих социальную приемлемость новой реальности и утверждение субъекта в ней. Нестабильность, неопределенность и многозначность развивающихся в обществе процессов рассматриваются в современной социологии не как проявление патологии системы, а как признак и условие ее жизнеспособности. Разнообразие элементов в системе делает ее устойчивой к многовариантному будущему.

Александр Резник: Определяя регуляцию социального поведения как систему упорядочения социального поведения, которая состоит из *институциональных, структурных, социокультурных и социально-психологических образований*, можно утверждать, что ситуация социальной нестабильности возникает в условиях, когда некоторые из элементов этой системы находятся в процессе преобразования. Например, в случае изменения институционального элемента разрушаются устоявшиеся формы организации социального взаимодействия, поэтому социальное поведение регулируется другими элементами системы упорядочивания. В условиях социетального реформатирования ролей, социальных позиций или статусов подобным образом происходит “замена” структурного элемента в регуляции социальной стратификации. Так же в условиях социальной аномии появляется “заменитель” социокультурного элемента. Таким образом, целью исследования может быть выяснение *особенностей “замещения” элементов, которые находятся в процессе трансформации, другими элементами.*

Александра Ненько: Я бы не совсем согласилась с самим посылом о “регуляции социального поведения”. Мне близки здесь позиции Бурдьё — структуралистский конструктивизм, который четко показывает не только влияние структур на социального актора и формирующиеся у него поведенческие диспозиции, но и конструктивное отношение к социальной реальности с его стороны — посредством выбора, раскрытия и противостояния символическому насилию и т.п. Кроме того, важно замечание Гидденса, что посредством механизма социальной рефлексии наш уникальный жизненный опыт сохраняется и “подсоединяется” к коллективному знанию и, в свою очередь, — к социальной структуре. Логически продолжая, я также подчеркну, что понятие адаптации немного механистично: хотя в сознании субъекта выстраивается образ социальной реальности, и в некотором роде он подобен, гомологичен образам других социальных субъектов (разных уровней), но он имеет свою уникальность (должный акцент на этой уникальности делают психологи). Такие системные явления, как язык или система государства, структурируют практики отдельных индивидов; в то же время отдельные индивиды конструируют свои образы реальности, свои паттерны практик, например разговорных, при этом как воспроизводя некоторые элементы, так и внося локальные новации, которые могут перейти на системный уровень с течением времени (например, в процессе развития языка). Таким образом, определенная нестабильность присуща социальной динамике постоянно, и односторонней регуляции с целью адаптации не существует.

Способность приспосабливаться в условиях большей нестабильности — это способность сознания на основании ситуативного опыта (тактического знания) продумывать нужные, “спасительные” модели поведения (яркий пример — неформальные экономические практики времен Перестройки). Такие *тактические практики* были в центре внимания многих социологов, которых принято позиционировать как социальных этнографов или антропологов.

Рассматривая социальную нестабильность, важно также иметь в виду, что это системный процесс, обладающий большей длительностью и историей, чем индивидуальное время.

Социальной системе присущи различные по динамике и по соотношению хаоса–порядка социальные изменения. Нестабильность присуща социальной системе

в той же мере, что и стабильность, то есть в каждый момент социального времени мы можем обнаружить и то, и другое, так что необходим анализ соотношений. Необходимо четкое осознание перспективы рассмотрения изменений (то есть точки зрения на них и того, что в этот “зрительный луч” попадает).

Татьяна Загороднюк: Для определения состояния социальной нестабильности действительно традиционно используют понятия революции, трансформации, переходности, транзитности. Но часто проблема в том, где эти понятия оказываются уместными. Например, рассматривая социальную нестабильность посткоммунистического украинского и российского обществ, нельзя не согласиться с выводом Т.Заславской о том, что определять происходящие изменения как революцию, переворот нет оснований. В новообразованных государствах происходила не революция, а, скорее, эволюция, основной характеристикой которой было не столько восходящее развитие, сколько череда кризисов. В настоящее время, по-моему, процесс, происходящий в нашем обществе, нельзя определять и как переход (транзит), поскольку понятие “переход” подразумевает наличие конечной цели и определенной стратегии социальных изменений, а также общественной поддержки усилий правящей элиты, направленных на осуществление этой цели. Мы же наблюдаем более сложный процесс — социетальную трансформацию. Из основных характеристик этого процесса, называемых Т.Заславской, я бы выделила как имеющие отношение к нашей теме регуляции социального поведения следующие: постепенный и относительно мирный характер протекания; принципиальная зависимость хода и результатов процесса от деятельности и поведения массовых общественных групп; неизбежность, длительность и глубина аномии, вследствие распада старых общественных институтов и несформированности новых.

Андрей Зоткин: Поскольку прежде всего нас интересует ситуация нестабильности в украинском обществе, то следует заметить, что она достаточно глубоко описана в работах Е.Головахи и Н.Паниной, где четко обосновано, что сейчас мы имеем двойную институциональную систему, для которой характерен амбивалентный тип личности. Однако можно наблюдать, что такая система из состояния общей нестабильности перешла в более постоянные формы. То есть то, что мы воспринимаем как нестабильность, на самом деле может быть нашим стабильным состоянием. Своего рода стабильная нестабильность, которая устраивает как правящие элиты, так и население (по факту его реакции и поведения, в котором преобладает пассивное ожидание). Относительно вопроса о нестабильности, к которой можно было бы применить термин “революционная” (что включает в себя понимание системных преобразований), то никаких оснований для констатации таких форм в современной Украине я не вижу.

Станислав Катаев: На мой взгляд, “можно говорить о растущей неоднородности социального пространства в плане поведенческой реакции на нее, о поляризации по оси “активный протест — пассивное выжидание”. При определенной мере разрушения институциональных порядков возникает обратная реакция консервативного типа. Люди начинают понимать, что где-то надо остановиться, и появляется желание вернуть некоторые устойчивые нормы.

Нестабильность игнорируется, и люди начинают вести себя, как будто все осталось по-прежнему.

Игорь Мартынюк: Начну с последнего: если речь идет о поляризации по оси протеста или выжидания, то такая поляризация существует даже в условиях подавляющего тоталитаризма. Скорее, речь идет о накоплении некоей критической массы неудовлетворенности плюс готовность действовать, свойственная далеко не всем недовольным, плюс благоприятствующие обстоятельства. В

зависимости от сочетания этих факторов и образуются революционные ситуации. Соответствующую типологию несложно построить путем простой комбинаторики и найти в истории соответствующие образчики, хотя и не с равной вероятностью возникающие. В условиях нестабильности регуляция осуществляется все теми же механизмами, но действие их ослабевает, норма заменяется эмоциями, чувством, непосредственной реакцией, поскольку карательный механизм санкций ослабел или даже частично — как символ вспомним Бастилию — разрушен.

Наталья Бойко: Возникает вопрос: действительно ли разрушаются институты, нормы, ценности или все же они трансформируются, мутируют; деградируют они или прогрессируют? На мой взгляд, скорее второе, чем первое — они, в первую очередь, я говорю о нормах и ценностях, теряют свою определенность и точную, изначально запрограммированную заданность “сверху” — то, что было характерно, например, для эпохи СССР. Однако они не исчезают. Скорее, меняются не сами ценности, а именно регулирующие “структуры” — регуляторы социального поведения в новых, в данном случае нестабильных условиях. И, на мой взгляд, в таких условиях *регулирующие факторы переходят на личностный уровень*, уровень межличностных отношений и, соответственно, к тем структурам, которые смогут занять данную нишу, вписаться в законы и особенности функционирования существующего социума. Такими факторами могут быть религия, Интернет, общественные благотворительные организации и т.д.

И о *неоднородности поведенческой реакции* хотелось бы, конечно, думать, но, вероятнее всего, реакция будет все-таки скорее “однозначной”, чем неоднозначной. И зависеть она будет от двух вещей: от среды, в которой это будет происходить, и от психо-социальных особенностей субъекта, попавшего в эту конкретную среду. *То есть будут работать все те же законы — “стимула–реакции”*. Отсюда следует задача изучать: во-первых, среду, в которой оказался (может оказаться) субъект в условиях неопределенности, и во-вторых, возможные типы поведения, обусловленные контактом, погруженностью в данную конкретную среду.

Вопрос 3

Этот вопрос связан с *субъективным измерением ситуации нестабильности. Что при этом дестабилизируется на уровне конкретного социального актора? Следует ли рассматривать в качестве актора исключительно индивида, или в поле зрения должны попасть и групповые субъекты социального поведения? Что меняется в процессе регуляции, отражаясь в социальном поведении? О чем в первую очередь мы должны говорить в ситуации нестабильности — о разрушении привычной модели социальной реальности, о разрушении привычных, рутинизированных схем социального поведения, о разрушении системы ожиданий по отношению к другим акторам* в силу того, что эти ожидания перестают работать? *Адекватным ли будет здесь использование понятия габитуса* как матрицы, задающей структуры восприятия, мышления, интерпретации и тем самым структурирующей все человеческие практики. Можно ли говорить, что разрушение этой матрицы в ситуации нестабильности ведет к дестабилизации социальных практик?

Станислав Катаев: На мой взгляд, у организаторов круглого стола чрезмерно катастрофическое сознание. Определенные тенденции абсолютизируются, им придается необоснованно законченный вид. Однако тенденции остаются тенденциями и не воплощаются полностью в свое логически завершенное состояние. Поэтому неправомерно говорить о “разрушении привычных, рутинизированных схем социального поведения, о разрушении системы ожиданий по отношению к другим акторам”, как о свершившемся факте. Да, подобные тенденции есть, но они не достигают такой степени, которая может привести к разрушению социума. При реальной угрозе такого разрушения процессы двинутся вспять.

Что касается понятия габитуса, сейчас оно используется как метафора целостности и комплексности психо-социо-культурных реакций индивида на вызовы социального окружения.

Что же касается субъектов социального поведения, то реальными могут быть конкретные индивиды. Групповые реакции есть статистические вероятности наиболее типичных реакций людей с похожими социокультурными характеристиками. Я читаю книги, хожу на работу, смотрю телевизор не потому, что так делают другие, не потому, что другие побуждают меня делать это. Но многие делают то же самое, что и я, в схожих ситуациях общественной жизни, и в этом проявляется групповой характер наших социальных практик.

Юрий Саенко: Индивида бесосновательно отделять от группы, социума и периода социального времени — пространственно-временное еще никто не отменял.

Что касается габитуальной матрицы, то существуют продуктивные изменения, когда актер видит и воспринимает целесообразность ее изменений, а есть деструктивные изменения, когда все и во внутреннем мире актера и вокруг него разваливается, — типичное состояние Руины.

Следует иметь в виду, что состояние актера определяется в координатах четырех моделей выживания:

(а) идеальная — никогда не достижимая; (б) желательная (чего-то хочется) — реальность реализации этой модели еще нужно доказать в каждой конкретной ситуации; (в) возможная — с учетом всех параметров перехода к ней; (г) действующая.

Беда 20-летней стагнации Украины в том, что тоннами и горами продуцируются идеальные и желательные программы (модели) без учета второй теоремы Геделя — “без существенного изменения системы дела не будет”, как сказали бы сантехники и кибернетики.

Елена Злобина: Очевидно, что в поле зрения исследователя должны попасть и групповые и индивидуальные субъекты. Социальные группы в ходе трансформаций теряют или приобретают статусные позиции, и соответственно изменяется их влияние в регуляции поведения. Поскольку мне ближе тема субъекта индивидуального, остановлюсь на ней немного детальнее. Нестабильность для него означает разрушение всего, о чем шла речь выше, а следовательно активизацию собственных усилий по восстановлению стабильности картины мира. Результатом таких усилий должно было бы стать согласование внешней ценностно-нормативной регуляции с внутренней системой убеждений. Проблема здесь заключается в том, что на уровне индивидов такое согласование так или иначе происходит, но на уровне массового сознания превалирует представление о сплошной недейственности ценностно-нормативной регуляции. Фактически можно говорить о том, что сохраняется состояние аномии, причем как в понимании Дюркгейма, так и в версии Мертона.

По данным мониторинга Института социологии НАНУ в 1992 году 81,8% опрошенных соглашались с утверждением — “проблема сейчас в том, что большинство людей вообще ни во что не верит”, а в 2010 году — 80,6%. В 1992 году 88,1% респондентов соглашались с тем, что “многое что из того, во что верили наши родители, рушится на глазах”. Почти 20 лет спустя это мнение разделяют 83,8% опрошенных. Практически не изменилось и представление о влиянии ценностно-нормативных образцов на поведение. В 1992 с утверждением “раньше люди лучше себя чувствовали, потому что каждый знал, как поступать правильно” соглашались 66,3% респондентов, в 2010 — 65,6%. Таким образом, как и в начале 90-х, отсутствует общее признание регулятивной силы социально-одобряемых критериев “правильного” и “неправильного”, а следовательно сохраняется состояние “разбалансированности” нормативной системы. В некоторой степени это компенсируется усилением роли личностных регуляторов. Если в 1992 году с утверждением “мне кажется, что другие

лучше меня знают, что верно, а что нет”, не соглашались 44,1% опрошенных, то к 2010 году доля несогласных выросла почти на 10% и составила 53,1%.

Если же говорить об аномии в мертоновском понимании, то она только нарастает. Оценка способов достижения поставленной цели все меньше рассматривается сквозь призму “правильности” поведения. Например, в 1992 году соглашались с тем, что “большинство людей способно совершить нечестный поступок ради выгоды” 58,5% опрошенных, не соглашались — 28,6%. В 2010 году тех, кто соглашался с указанным утверждением, стало уже 69%, а количество несогласных уменьшилось до 17,3%. Такая же тенденция фиксируется и при оценке респондентами готовности человека солгать ради продвижения по службе. В 1992 году 68% опрошенных считали, что большинство людей на это способны, в 2010 так считают уже 75,2%. Соответственно количество несогласных уменьшилось с 20,3% до 11,6%. Эти данные, по меньшей мере, подтверждают две вещи: то, что значимость выгоды и карьеры оценивается настолько высоко, что перевешивает необходимость действовать в морально одобряемом диапазоне, и то, что за 20 лет разрыв между значимыми целями и легитимными способами их достижения только увеличился. То есть можно говорить о рутинизации нелегитимных схем поведения

Любовь Бевзенко: Думаю, социально-психологический срез проблемы предполагает *сосредоточение именно на индивиде*. Мы сможем выдвигать определенные гипотезы по поводу механизмов регулирующего воздействия на его социальное поведение в ситуации нестабильности в случае, если удастся как-то смоделировать эту самую *нестабильность в ее проекции на субъективное измерение*. Думаю, что понятие *габитуса* здесь может оказаться хорошо работающим в случае, если под габитусом мы будем понимать некое системное психосоматическое образование, укорененную в психике и в соматике предрасположенность к определенному рисунку совершения социальных практик. Все рутинизованное, привычное, повторяющееся в социальном поведении — продукт устойчивого габитуса. Понятие модели реальности здесь тоже может работать, если только под моделью понимать не исключительно осознанное, вербализуемое представление о реальности и даже не образ реальности (то, что можно назвать картиной мира — в данном случае — социального), а, скорее, определенное целостное переживание социальной реальности. Именно оно напрямую сопряжено с габитусом как инструментом запуска поведенческих интенций в так моделируемой (переживаемой) реальности. *Ситуация нестабильности на субъективном уровне* приводит к тому, что дестабилизируется габитус как главный продуцент всех практик. Рутинизированное и привычное становится неэффективным, начинает давать сбои. Адаптивные механизмы настройки на нестабильность приводят к частичному “ремонту” габитуса и коррекции некоторых практик. Это в случае нестабильности первого рода, о которой речь шла выше. В случае нестабильности второго рода мы имеем дело с разрушением габитуса как системы и соответственно разрушением всей системы социальных практик.

Александра Ненько: Субъекты могут выбираться разные, и естественно, для каждого уровня субъекта уже существуют объяснительные концепции, которые могут быть важными и полезными (например, модели особенностей индивидуальной психологии или особенностей групповой динамики). Чем больше знаний о субъектах привлекается, тем полней будет картина.

Обращая внимание на повседневные разговоры, социолог не может не отметить, что его выделение и именование “субъектов” остается во многом аналитическим; настоящая интеракция происходит между детьми и родителями, соседями, “мною и моей телкой”, “быками на районе”, “хачиками” в магазине, “придурками в правительстве”, вплоть до чужих — “узкоглазых” или “темнокожих”. То есть в реальности существуют индивидуальные и групповые стереотипизированные образы со-

циальных “персонажей”. Соприкасаться с живой тканью — вот к чему я бы призвала социологов вне зависимости от интересов. И вторым, принципиально важным моментом, который я уже подчеркивала выше, является учет взаимоотношений между различными субъектами.

В плане объектов разрушения — все, перечисленные в вопросе, важны. Они логически и парадигмально объединены, поэтому я не вижу необходимости выделять какой-либо один, приоритетный.

Александр Резник: Говоря о субъективном измерении ситуации нестабильности, целесообразно рассматривать лишь конкретного социального актора, поскольку вряд ли в таких условиях могут возникать целостные групповые регуляторы поведения.

В зависимости от первоочередности дестабилизации определенного уровня можно говорить о первоочередности предложенных субъективных измерений. Разрушение привычной модели социальной реальности, разрушение привычных, рутинизированных схем социального поведения будет свидетельствовать о нарушении функционирования институционального элемента регуляции; разрушение системы ожиданий относительно других акторов обуславливается целостно-нормативной дестабилизацией.

Понятие “габитус” может быть использовано как вспомогательное для обозначения определенного среза системы упорядочения поведения в стабильных условиях, однако при исследовании ситуации нестабильности оперирование этим понятием может внести методологические недоразумения.

Андрей Зоткин: Вообще при разговоре о субъективном измерении нестабильности в первую очередь, на мой взгляд, следовало бы обращать внимание именно на разрушение обычных моделей социального поведения, которое происходит под давлением перестройки социальных институтов. На этой почве и основываются новые формы поведения. Дерутинизация содействует выбору с имеющихся и поиску новых поведенческих тактик и стратегий. Именно такая постановка вопроса заставляет учитывать определенную “коррозию” матриц восприятия, интерпретации и действий (что представляет собой абсолютно логичное явление).

Наталья Соболева: Среди наиболее сложных социально-психологических проблем, которые встают на пути индивидуального и массового сознания, необходимо обратить внимание прежде всего на глобальную ломку социальных норм и стереотипов и изменение системы ценностей. Разрушение привычных социальных порядков и в массовом, и в индивидуальном сознании происходит непросто и часто воспринимается субъектами как крушение идеалов, потеря смысла жизни. Новые правила социального общежития трудно приживаются, противоречиво воспринимаются, а часто и отрицаются. Но этим дело не ограничивается, происходит трансформация самого понятия социальных норм.

В современных обществах абсолютная значимость правил или норм ставится под сомнение, и акцент в анализе смещается в сторону интересов, которые заставляют людей приспособлять тактику и адекватные умения к ситуации и достигать локального согласия между множеством целей. Концептуализация категорий частных интересов и согласования позволяет выстраивать модели локально реализуемого равновесия в противовес концепции глобальных норм. В отличие от выдвинутой Т. Парсонсом концепции общества как равновесной системы, в которой отношения между составными частями имеют тенденцию к стабильности, современные подходы настаивают на подвижности и изменчивости общественных систем (подвижном равновесии). Стабильность должна быть объяснена, она не является изначально данной, а понятия “соглашения” и “мира” создают предпосылки для динами-

ческого анализа локальных порядков. От равновесия действий переходим к равновесию смыслов или верований, когда важными становятся интерпретации и ожидания.

Согласованные основания социальных норм и оценок в периоды нестабильности сильно ослаблены, трансформированы, и внимание индивидов перемещается от норм и правил к намерениям других индивидов. Вследствие усиления регулирующей роли ожиданий в поведенческих моделях число возможных равновесий увеличивается. В отсутствие объективных критериев оценки окружающего мира индивид должен включить в свое суждение о ситуации намерения других индивидов. Анализ суждений, которые выносят индивиды о ситуации и действиях других, занимает центральное место в новейших исследовательских программах социологии и приводит к появлению совершенно нового аппарата моделирования, позволяющего формализовать действия индивидов-интерпретаторов. От социальной физики равновесия мы переходим к формализму теории игр, в которой расчет каждого из игроков строится на предвидении возможных решений других индивидов (М.Тевено).

Татьяна Загороднюк: Изучая наследие Н.Паниной, я нахожу интересные ответы на поставленный вопрос. Панина, как известно, разработала целостную нормативно-личностную концепцию трансформации украинского общества. Основной характеристикой нестабильного общества ей виделось разрушение ценностно-нормативной системы как всеобщей основы социальной интеграции. В условиях трансформирующегося общества, когда старая система норм и ценностей уже не выполняет своих функций, а новая еще не сформирована и не институционализировалась, социальные статусы не определены и нет однозначных критериев для их ранжирования, доминирующими факторами направления развития общества являются индивидуальные личностные качества, особенности сознания и психологического состояния индивида.

Вышеописанное состояние трансформирующегося общества принято определять как аномию. В условиях тотальной аномии полностью разрушается привычная модель адаптации и начинается противоположный процесс — кристаллизация новой ценностно-нормативной системы общества на основе особенностей индивидуально-личностного сознания его членов, индивидуальных ценностных предпочтений и ценностных ориентаций. Ценностные ориентации людей определяются их социальным самочувствием. Ценностные предпочтения различных социальных слоев и групп населения обуславливают общую направленность процесса социальной трансформации.

Когда мы изучаем трансформирующееся общество, по моему мнению, мы наблюдаем процессы, которые взаимообуславливают и взаимодополняют друг друга: разрушение привычной модели социальной реальности ведет к разрушению привычных рутинизированных схем социального поведения. Обратное утверждение тоже верно. Тот же вывод можно сделать, рассматривая пару «рутинизированные схемы социального поведения — система ожиданий по отношению к другим акторам».

Максим Паращевин: На уровне индивидов ситуация нестабильности ощущается в двух плоскостях: плоскости личной жизни и плоскости ценностно-нормативной. Прежде всего индивидом ощущается угроза уже сформированному образу жизни вследствие роста угроз потери работы и, соответственно, уровня материального обеспечения. Имяющийся у человека профессионально-квалификационный уровень теряет свою экономическую стоимость, побуждая человека к выходу из обычного уклада жизни и переквалификации. В свою очередь, это ведет к потере ранее существовавшей устойчивости социальных статусов и ролей, к угрозе этим статусам и ролевым позициям отдельных людей. Индивид оказывается перед фактом возможности потери своего социального положения и спуска по социальной лестнице. Кроме этого можно добавить увеличение угрозы личной безопасности, поскольку в ситуации нестабильности ухудшается криминальная ситуация. Во-вторых, индивид сталкивается с уменьшением

определенности, действенности и эффективности обычных ценностей и норм, правил, потерей или кризисом ценностных ориентиров.

На уровне социальных групп нестабильность реализуется, прежде всего, через угрозу социальному положению той или иной группы, уменьшение ее способности к защите своих интересов. Кроме того, для группы ситуация нестабильности создает угрозу целостности этой группы, поскольку часть ее членов уже не рассматривают ее в качестве надежного “убежища” и защитника и стараются перейти в другие, более защищенные группы.

Игорь Мартынюк: На эти вопросы я фактически ответил ранее. Вопрос о габитусе — всего лишь вопрос о терминологии, с помощью которой описываются трансформации, затрагивающие, несомненно, все уровни взаимодействия в общественном организме. Ключевым моментом, на мой взгляд, является неопределенность будущего, которая способствует повышению удельного веса спонтанных поведенческих реакций.

Наталья Бойко: Получилось так, что и мой ответ на этот вопрос содержится в моем ответе на предыдущий.

Вопрос 4

В этом вопросе мы коснемся *уровней социальной реальности*, в которых продуцируются регуляторные импульсы. Их традиционно принято обозначать как макро-, мезо- и микроуровни. К *макроуровню* относятся факторы институционального, социокультурного порядка, которые регулируют поведение через обычаи, традиции, нормы, ценности, законы, правила, а также социоструктурного порядка, регулирующие поведение через статусно-ролевую систему. *Мезоуровень* порождает особенности регуляции, связанные с принадлежностью к различным социальным группам (этническим, религиозным, языковым и т.п.). *Микроуровень* опирается на те факторы регуляции, которые остаются в распоряжении самого социального актора и связаны с его рефлексивностью и способностью к автономным от двух предыдущих уровней действиям. *Согласны ли Вы с такой схемой типологизации факторов применительно к ситуации социальной нестабильности, с концептуализацией регуляторов каждого из уровней? Возможно, здесь нужно исходить совсем из других посылок? Возможно, нестабильность просто переставляет акценты, переводя регуляторную доминанту с одного уровня на другой?*

Игорь Мартынюк: Мне представляется, что для изучения социального поведения как совокупности легитимных форм взаимодействия указанных уровней достаточно, однако микроуровень следует рассматривать как уровень взаимодействия в малой группе. Но при этом личность остается за пределами исследования, поскольку выступает как объект регуляции. В действительности связь регуляции и саморегуляции неразрывна. Без интериоризации ценности и нормы общества являются для индивида пустым звуком, а сам он — дикарь, с точки зрения интеграции в данный социум. Однако теоретический анализ допускает подобную вивисекцию, следует лишь не забывать, что рассматриваемый нами предмет — в данном случае регуляция социального поведения — не тождествен объекту и не охватывает его во всех отношениях.

Что же касается тезиса о переносе центра тяжести регуляторных воздействий с одного уровня на другой, то он мне представляется верным, но с некоторым дополнением. Происходит не только снижение роли макрофакторов в пользу возрастания регулирующего влияния микросреды, но и смещение по оси “регуляция — саморегуляция” в сторону саморегуляции.

Елена Злобина: В принципе система социальной регуляции имеет целостную природу, и разделение на уровни теоретически правильно, но практически разделить уровни при исследовании регуляции поведения будет довольно сложно. Если говорить об институциональном уровне как таковом, то институты фактически и являются образованиями, которые регламентируют деятельность людей, а следовательно регуляция поведения является проявлением их сущностной природы. В этом смысле общественные трансформации и есть не что иное, как преобразование существующих и возникновение новых или исчезновение старых социальных институтов. А поскольку все элементы структуры институтов — социальные статусы, роли, нормы, организации — замыкаются на субъекте, любые изменения на макроуровне автоматически доходят до уровня поведенческого, потому что меняют суть регламентации. Более того, одним из наиболее информативных источников, которые свидетельствуют об институциональных изменениях, как раз и становится расхождение между реальным поведением и существующими регламентами. Очевидно, правильно было бы задавать вопрос не об уровнях как таковых, а о последовательности движения с уровня на уровень при решении разных исследовательских задач. Например, исследование влияния исчезновения или возникновения институтов на процессы социальной регуляции поведения должно начинаться на макроуровне. Лишь на этом уровне можно ставить вопрос об изменениях в институциональной системе вообще. При этом возникает много теоретических проблем. Одной из них является, скажем, отсутствие синхронности в процессах распада и рождения институтов. Так, ликвидация КПСС, которая выполняла роль “руководящей и направляющей” силы и, вопреки существенной потере регулирующего влияния, оставалась на момент роспуска важным элементом регламентации поведения, создала в существовавшей на то время институциональной системе определенный “провал”. Исследование того, какие институты, в какой мере и каким образом компенсировали действие этого регулятора, должно, по моему мнению, начинаться с макроуровня, постепенно охватывая вопросы мезо- и микроуровней.

Наталья Бойко: На мой взгляд, микроуровень в вышеозначенной наполненности — “факторы регуляции, которые остаются в распоряжении самого социального актора и связаны с его рефлексивностью и способностью к автономным от двух предыдущих уровней действиям” — никак не может быть автономным, по крайней мере от макроуровня, опять же в его представленной выше интерпретации. Если актор “социальный”, то он уже априори не может быть автономным от интериоризированных “норм, ценностей и других факторов социокультурного порядка” при регулировании социального поведения.

Свою позицию о переносе регулятивной доминанты в условиях нестабильности на личностный уровень регулирования я уже изложила в ответе на первый вопрос.

Наталья Соболева: Смысл и содержание регуляции на этих уровнях, мне кажется, остается тем же, механизмы те же, а вот системные рамки различны, формы, субъекты будут иметь свои отличия. Не уверена, что рассмотрение проблемы в этой уровневой схеме даст что-либо принципиальное для исследователя.

Юрий Саенко: Здесь самое время выходить из посылок ответа на 3-й вопрос. Нестабильность и пути выхода из нее следует рассматривать в системе координат 4-х приведенных моделей.

Станислав Катаев: Для меня привычна та схема, которую вы приводите. Но ваше допущение о возможности перевода регуляторной доминанты с одного уровня на другой мне кажется интересным. Хотелось бы изучить этот процесс подробнее и на эмпирическом уровне.

Александра Ненько: Я согласна с логикой перехода от микро к макро; также очень важно соотношение уровней (то есть мостики между ними, а именно, соотношение объяснительных схем) и отсутствие редукционизма на каждом из них. В анализе эти уровни должны быть взаимосвязанными, чтобы хоть как-то учитывать живую, комплексную и, к сожалению или к счастью, неуловимую связность настоящего общества.

Максим Паращевин: Вполне приемлемым является предложенное разделение на макро-, мезо- и микроуровни регуляции. Действительно, схематично можно выделить именно такие уровни и именно такие способы регуляции на этих уровнях. Функционируют они в любых социальных условиях, и ситуации стабильности и нестабильности отличаются лишь большей или меньшей ролью разных уровней. В частности, в стабильных условиях более действенным будет макроуровень регуляции, тогда как в условиях нестабильности больше актуализируются мезо- и микроуровни.

Андрей Зоткин: С предложенной схемой деления уровней социальной реальности на микро-, мезо- и макроуровень согласен. Относительно смещения акцентов следует заметить, что в атомизированном украинском обществе состоялись процессы локализации, “замыкания” в узкой среде ближайшего окружения и сфер непосредственной деятельности индивидов. Это дает основания предполагать, что именно микроуровень является определяющим в формировании социального поведения. Однако масштабная регуляция поведения как индивидов, так и социальных групп осуществляется на уровне социальных институтов, то есть на макроуровне.

Александр Резник: Вообще представленная типологизация факторов социального поведения вполне приемлема. Однако на макроуровне нужно обозначить факторы экономического характера. Вследствие либерализации экономической жизни в Украине за годы независимости появился ряд новых экономических факторов регуляции социального поведения. Среди них — рынок труда, безработица, инфляция, налоги, покупательная способность населения, наличие частной собственности, возможность трудовой миграции за границу и т.п. Данные факторы существенно повлияли на систему регулирования социального поведения. В частности, внедрение рыночной экономики сформировало такие новые институциональные правила и структурные разграничения, которые существенно корректируют социальное поведение по сравнению с советским периодом. Одновременно рыночные институты начали менять нормативную составляющую системы упорядочения поведения индивидов: в переходном обществе, где возникает состояние социальной аномии, патерналистские стратегии поведения населения становятся неэффективными, ведь новые формальные правила дают несколько большие возможности достижения успеха. Все это, безусловно, отражается на социально-психологической составляющей регуляции поведения — рыночные институты влияют на характер интериоризации общественной жизни индивидом.

Любовь Бевзенко: О всех перечисленных уровнях я предпочту говорить, переводя все в плоскость того же габитуса и практик. Все названные уровни регуляции оттачивают габитус и практики индивида в процессе его социализации. В ситуации стабильности они непрерывно присутствуют в его повседневных практиках и часто не воспринимаются как нечто внешнее. Это практики привычного, само собой разумеющегося, соответствующего здравому смыслу и т.д. В процессе совершения этих практик уровень отрегулированности, упорядоченности социального пространства отражается на уровне взаимной согласованности практических актов, уровне удовлетворения взаимных ожиданий. Нестабильность проявит

себя прежде всего в разрушении повседневности, разрушении привычного и рутинизированного. И здесь я снова вернусь к представлению у двух типов нестабильности. В первом случае (частичная дестабилизация) в качестве инструмента регуляции индивид может использовать собственную креативность. Во втором случае (утрата системности и связанности социальных практик) мы имеем дело с фрустрированностью, чреватой непредсказуемостью.

Итоги, комментарии, пожелания, замечания, предложения

Елена Злобина: Задача сделать заключительный комментарий к материалу круглого стола одновременно интересна и сложна. И то, и другое обусловлено широким диапазоном точек зрения, содержащихся в материале. Учитывая виртуальный характер обсуждения, упорядочение общей мозаики высказанных позиций остается прежде всего за читателем, который может осмысливать предлагаемые тезисы с разных теоретических перспектив и в разных исследовательских контекстах. Однако можно констатировать, что теоретический дискурс по проблемам социальной регуляции поведения пребывает в современной украинской социологии в процессе трансформации, наблюдается тенденция к обогащению его новыми терминами и связями с одновременным переосмыслением устойчивых конструкций.

Прежде всего это касается самого понимания социального поведения. Предложенная для обсуждения дихотомия осознанное–неосознанное, которая характеризовала внутренние предпосылки действия, неявно сопровождалась триадой для обозначения внешнего поведенческого компонента: действия, осознанно продуцируемые субъектом; практики различной степени осознанности; традиционные, привычные, типичные модели поведения. Контекст обсуждения задавался ключевым понятием “социальная нестабильность”, в котором предлагалось свободно продуцировать любые конструкты — от четких определений до мягкого очерчивания области смыслов.

Как выявило обсуждение, один и тот же контекст позволяет продуцировать разные объяснительные модели. Участники дискуссии были единодушны в том, что рассматривают саму ситуацию нестабильности как определяющую особую стимуляцию социального поведения. При этом часть исследователей акцентирует внимание на внешних поведенческих проявлениях. Соответственно, концепт “социальное поведение” расширяется, и в дискурсе возникает заранее не заданный концепт “социально типичное поведение”. Другие исследователи переносят акцент на внутренние особенности продуцирования поведения. И, соответственно, в дискурсе появляются понятия — “активное” (инициированное субъектом) и “реактивное” (как осознанное, так и автоматическое) поведение. Вместе с тем саму связь между ситуацией нестабильности и продуцируемым в этих условиях поведением участники обсуждения видят по-разному. Кто-то считает, что благодаря большому количеству непредвидимых факторов усиливается влияние “неосознанного”, другие, наоборот, связывают подобную ситуацию с активизацией сознательного продуцирования новых поведенческих образцов.

Итак, предложенные ответы на вопрос “что именно характеризует социальное поведение в условиях нестабильности?” позволяют сконструировать весьма широкое поле исследовательских проблем, в котором конкретные задачи формируются, исходя из того, какие именно составляющие социальной реальности ставятся в центр внимания. В любом случае обобщающим концептом остается социальный порядок и возможности его воспроизводства и обновления. Именно через оппозицию упорядочение–разрушение определяют участники обсуждения типы нестабильности. Впрочем, предложенный организаторами диапазон определений нестабильности (трансформация–революция) оказался слишком масштабным. Фактические дискурсивные предложения в отношении социальной регуляции поведения в ситу-

ации нестабильности не вышли за рамки понимания нестабильности как трансформации. Но при этом обнаружилась возможность концептуализации нестабильности в разных уточняющих терминах. Во-первых, в контексте относительности самих состояний нестабильности–стабильности, поскольку разделять эти состояния мы можем только аналитически, фактически же в социуме наблюдается их определенное сочетание. Соответственно в дискурсе возникли понятия “временная нестабильность” или “временная стабилизация”, нестабильность “постоянная” или прерывающая постепенность, нестабильность “в неопределенности” или нестабильность в ходе целенаправленных трансформаций и, наконец, “стабильная нестабильность”. Во-вторых, выделилась тема индикации состояния нестабильности вдоль оси согласованность–разбалансированность отношений между составляющими системы (в частности, культурной и социальной подсистемами). Такой дисбаланс в плоскости регуляции поведения проявляется в сужении пространства и снижении эффективности действия конвенциональных и институциональных механизмов и в изменении характера их взаимной компенсаторности (“замещения” системных составляющих).

Что касается предложенной организаторами темы поведенческой реакции на ситуацию нестабильности, обсуждение продемонстрировало ограниченность предложенной дихотомии “активный протест–пассивное выживание”. Скорее, она больше подходит для анализа массовых социально типичных форм реагирования без учета уровня индивидуальных поведенческих проявлений. В то же время обсуждение показало актуальность дальнейшей концептуализации проблемы согласования и возможных форм сочетания личностной регуляции (изнутри) и социальной регуляции (извне). Не случайно в качества актора в ситуации нестабильности участники дискуссии склонны рассматривать прежде всего индивида. И хотя групповые субъекты тоже попадают в поле зрения, их присутствие в дискурсе выглядит скорее как формальная дань социологической традиции. Более того, акцентируется реальность, конкретность индивидуального субъекта, на который проецируется ситуация социальной нестабильности. Особая роль именно индивидуального актора в дискурсе нестабильности, который был очерчен этим круглым столом, определяется склонностью участников считать социальное поведение индивида основным полигоном для осмысления специфики процессов социальной регуляции в ситуации нестабильности.

Предложенные в обсуждении дискурсивные ходы продемонстрировали тенденцию к комплементарности аналитики типичного и типизации конкретного. Предложенная система понятий, в которых можно концептуализировать дисфункцию процессов регуляции (разрушение модели социальной реальности, рутинизованных схем поведения, систем ожиданий и т.п.), работает на уровне аналитически сконструированного актора, тогда как в случае актора конкретизированного находятся другие соответствия, более близкие к конструктам первого порядка, например разрушение (угроза потери) привычного образа жизни или неопределенность будущего. Моделирование ситуации нестабильности с применением понятия габитуса не является в настоящее время интегратором дискурса регуляции, хотя и признается перспективным направлением теоретизирования.

В контексте проблемы выявления действенности разных уровней социальной системы как регуляторных факторов было предложено обсудить трехуровневую схему, согласно которой можно условно различить макро-, мезо- и микрорегуляцию, придерживаясь при этом тезиса об их взаимозависимости. Хотя эта схема не вызвала среди участников обсуждения особых возражений, она в то же время не послужила поводом для активного продуцирования новых смыслов. Теоретически перспективным выглядит разве что предположение о целесообразности применения поуровневого подхода к выявлению смещения регуляторных доминант в зависимости от уровня стабильности–нестабильности социальной системы. Предложенные участниками дискуссии собственные схемы анализа продемонстрировали зависи-

мость их формата от особенностей исследуемых регуляторов и подтвердили возможность продвижения как от макро- к микроуровню, так и в обратном направлении.

Суммируя сказанное, можно констатировать — несмотря на виртуальный характер обсуждения, его результаты оказались весьма плодотворными и очертили перспективные направления развертывания отечественного дискурса социальной нестабильности. Можно надеяться, что они будут способствовать углублению теоретической рефлексии в отношении процессов регуляции социального поведения в условиях нарушения социального равновесия.

Наталья Черныш: Поскольку я как член правления САУ отвечаю за работу исследовательских комитетов нашего академического сообщества, прежде всего хочу поздравить руководителя и координатора проекта с удачной, на мой взгляд, попыткой деятельности комитета в выбранных для этого рамках. Прежде всего заслуживает внимания форма воплощения исследовательской активности этого комитета исходя из возможностей Интернета. Это, в свою очередь, дает много дополнительных возможностей: отпадает потребность в командировках и поездках в условиях хронического дефицита средств, появляется возможность молниеносной апробации своих научных разработок, обоснования и защиты своих работ в среде заинтересованных коллег по специальности, возникает ситуация, в которой исследователь может на собственном опыте убедиться в преимуществах и ограничениях внедрения в научный полилог информационно-коммуникативных технологий; наконец, можно убедиться в важности или, наоборот, в меньшей актуальности предложенных для обсуждения проблем и в степени ангажированности коллег в дела нашего социологического сообщества. Одним словом, предложенную Еленой Злобиной и Любовью Бевзенко форму сотрудничества отечественных (пока) социологов можно считать интересной, продуктивной, своевременной и нужной. И это первый оптимистический вывод.

Во-вторых, можно в целом охарактеризовать итоги проведения указанного круглого стола как вполне соразмерные автономной специализированной научно-теоретической или научно-практической конференции, отдельные результаты которой выглядят стоящими в теоретическом плане и заслуживающими введения в учебный процесс тех высших учебных заведений страны, в которых готовят социологов. К примеру, на нашей кафедре истории и теории социологии Львовского национального университета имени Ивана Франко мы сделаем эти материалы предметом обсуждения на магистерском семинаре.

В-третьих (и здесь я уже должна перейти к менее оптимистичным замечаниям), ход обсуждения в очередной раз доказал инертность нашего социологического сообщества и практическое отсутствие голосов из региональных отделений САУ, из тех городов Украины, где готовят профессиональных социологов, а также из родственных комитетов САУ. Вопреки усилиям правления Социологической ассоциации, неоднократным объявлениям о научных событиях на сайте САУ и в частной рассылке коэффициент полезного действия подобных информационных акций можно считать крайне низким. И об этом следует говорить отдельно, например, на очередном VII съезде социологов Украины. Ведь если мы неинтересны друг другу и наших усилий никто не замечает, зачем тогда подобная социология нашему большому обществу, которое остро нуждается в социологических интервенциях? Или как мы можем в полный голос заявить о себе среди наших зарубежных коллег, если в нашем социологическом доме гуляет ветер? Или же мы навсегда смирились со статусом заштатной провинциальной социологии, которая даже в лучшем случае вяло использует достижения других социологических школ и неспособна продуцировать стоящие социологические продукты? Конечно, двенадцать небезразличных ученых для первой попытки виртуальной дискуссии не так уж и плохо, но, по правде говоря, организаторы надеялись на более широкое представительское участие.

Поэтому нужно приветствовать инициативу главного редактора ведущего профессионального издания Украины Евгения Головахи опубликовать в журнале материалы круглого стола с комментариями известных украинских социологов, поскольку наше научное сообщество таким образом увидит первую попытку представления и осмысления творческих размышлений представителей разных поколений и разных социогуманитарных наук, выраженную в формате обсуждения посредством Интернета и его электронной почты.

Теперь несколько замечаний о собственно материалах круглого стола, которые я попытаюсь изложить кратко. Сначала отмечу, что предложенные организаторами встречи материалы были сконцентрированы в треугольнике “регуляция–социальное поведение–ситуация нестабильности”, каждая составляющая которого проводировала дополнительные рассуждения. Как и у представительницы младшего поколения Александры Ненько, первая составляющая (“регуляция”) вызвала у меня мгновенный внутренний протест как у представительницы старшего поколения, на собственной шкуре испытавшей все “преимущества” компартийно-государственного доминирования над личностью и мичуринские амбиции насчет переделки человеческой природы и направления в должное русло всей жизни человека. С другой стороны, при этом слове где-то во мне отозвался социолог, пытающийся совершенствовать социальную действительность вместе с населяющими ее людьми и таким образом доказать свою общественную востребованность на ниве социологической интервенции. Организаторы и участники обсуждения могли начать с уточнения дефиниций, придания этому термину адекватного звучания, однако начало дискуссии было связано со вторым по очередности понятием социального поведения и в первом вопросе плавно совместить с ситуацией нестабильности. Отложу и я свои размышления об аффективно нагруженном термине “регуляция” напоследок.

Участники круглого стола почти единодушно позитивно восприняли определение социального поведения через совокупность практик с той или иной мерой их осознания. Параллельно мой внутренний голос настойчиво напоминал о регуляции таких практик, скептически акцентируя гипотетичность регуляции иррациональных начал. В понимании социального поведения в объединенном хоре социологов и социальных психологов диссонансов практически не возникало, что заставило меня вспомнить статью французского аналитика М.Догана (Социологические исследования. — 2010. — № 10) с его размышлениями по поводу слабого ядра социологии и ее предельно широкой открытости другим наукам (в противовес, скажем, наукам об экономике). Также при чтении этого фрагмента обсуждения время от времени всплывало понятие регуляции в его смягченном варианте; я полностью солидарная с точкой зрения Любови Бевзенко о напрасном преувеличении ее значения в ситуации нестабильности. Вопрос о возможных предложенных вариантах регулирования опять-таки оставим “на закуску”.

При обсуждении уже первого вопроса прозвучало (в замечаниях Наталии Соболевой) разведение усилиями Дж.К.Хоманса, с одной стороны, субъекта и индивида, а с другой — агента. Считаю это очень плодотворным замечанием, которое в дальнейшем смогло бы (лично для меня) более органично объединить все три составляющие заявленной дискуссии в умеренно непротиворечивое единство. Более того, увлечение структурно-деятельностными моделями и мода на термины “агент” или “актор”, по моему убеждению, привели к досадному факту отождествления социологами личности с энергичными проводниками чьих-то влияний или исполнителями определенных ролей в пьесах, написанных кем-то другим для них с целью, о которой бедный актер даже не догадывался. Тогда в первом случае акцент ставится на бурной деятельности (от лат. *agentis* — действующий), а во втором — на тщательном выполнении роли. В обоих случаях на периферии оказались те рефлексивность и самоуправляемость личности, цена которых многократно возрастает в ситуации радикальной аномии и социальной неопределенности и нестабильности. Ведь именно

эти обстоятельства (аномия и нестабильность), по моему мнению, в современных условиях привели к сокращению ткани социального, усилению частной составляющей общественной жизни человека и окончательному осознанию того неопровержимого факта, что никто и ничто его не спасет — все теперь зависит исключительно от него самого. Я полностью согласна с высказываниями Елены Злобиной о понимании ситуации нестабильности, в которой сама организующая идея утрачивает конвенциональность, и с параллельными размышлениями Максима Паращевина. Поэтому мне импонирует мнение Евгения Головахи о “самоуправляемой личности”, которая (по используемой мною терминологии) одновременно выступает и агентом, и актором, но всякий раз больше автором своей жизни, своего поведения и, что самое главное, своего мышления, своего “мировоззрения”, “миропостроения”, своих рефлексий, теперь уже витально необходимых для нее в радикально изменившихся социальных условиях. В этом же русле звучит идея Наталии Бойко касательно перемещения регулирующих факторов на личностный уровень и уровень межличностных отношений. Ей также принадлежит крайне важный вопрос о том, какой методический инструментарий будет соответствовать изучению этих процессов, поскольку обычные технологии в данном случае мало полезны. Призыв Александры Ненько “соприкоснуться с живой тканью”, полагаю, очень симпатичный, но его воплощение средствами социологии в повседневные исследовательские практики отечественных социологов еще далеко от реальности, и обращение в этом плане к последним работкам П.Штомпки не выглядит панацеей для всех случаев подобного рода.

Одна из формулировок вопросов дискуссии призвала обратиться к выбору макро-, мезо- и микроуровней социальной реальности, которые желательно использовать при анализе заявленной проблематики. Если, по словам Игоря Мартынюка, происходит снижение роли макрофакторов в пользу возрастания регулирующих влияний микросреды и соответствующее смещение по оси “регуляция–саморегуляция” в сторону саморегуляции, из этого логически вытекает усиление научной значимости прежде всего микро-, а также мезоуровней социологического анализа. Я бы еще добавила, что в эпоху глобализации зафиксированная тенденция не снимает с повестки дня, а скорее усиливает роль мегасоциологии (или, по выражению Н.Смелзера, глобальной социологии) с ее вниманием к глобализационным влияниям на личность, которые могут действовать, игнорируя мезо- и макроструктуры, и непосредственно детерминировать стиль жизни, поведение, жизненные стратегии личности, особенно принадлежащей к молодому поколению. Вместе с тем не будет лишним выяснение содержания понятий “микроуровень”, “макроуровень” или “мезоуровень” и того, что именно здесь имеется в виду: уровни социальной реальности, уровни взаимодействия, уровни регуляции, уровни социологического анализа — ведь все они применялись участниками круглого стола в разных смыслах. Вообще при проведении подобных круглых столов следовало бы начинать с дефиниций понятий, вокруг которых призывают дискутировать, и таким образом четко очертить предметное поле, которое собираются вспахивать.

И в завершение вернемся к исходному пункту — вопросу регуляции социального поведения в ситуации нестабильности. Для меня лично вырисовывается следующая логика: если речь идет о личности, то в условиях ослабления (=утраты) способностей разнообразных социальных институций к такой регуляции и радикального распространения явлений аномии регуляторные функции (как просоциальной, так и антиобщественной направленности) переводятся в плоскость внутреннего мира отдельного человека или представителей малых социальных групп. При этом сводится к минимуму действие “карающего механизма санкций” (как пишет один из участников дискуссии) или системы социального контроля со стороны общества. Если же в центре исследовательского внимания окажется социальная группа/общество, следует акцентировать внимание на другой комбинации факторов и смыслов в зависимости от предпочтений социолога.

Для социологии это означает потребность в учете указанных тенденций и в выработке адекватных теоретических схем и моделей, а также в разработке новых методических приемов анализа этих изменений. При этом не стоит увлекаться достижениями исключительно западной социологической мысли, которые были созданы для других времен и для иных социальных реалий. Мне больше импонирует путь так называемой “grounded theory”, то есть проведение тщательных эмпирических исследований на украинской почве и создание на этой основе концепций и теорий, отражающих специфику обществ бывшего СССР, к которым принадлежит и Украина. Иначе в своих исследованиях мы будем обречены определять лишь меру соответствия заимствованных иностранных конструктов социальным явлениям и социальным отношениям, бытующим в нашей стране, и выяснять, на сколько (на полвека или навсегда) мы отстали от развитых стран мира.

Что касается совершенствования и разнообразия методов исследования, то в случае с личностью и даже малой социальной группой для меня перспективными выглядят триангуляционные процедуры (как триангуляция разных типов данных, так и триангуляция исследователей, а также теоретическая и методическая триангуляция). В частности, в анализе духовного мира личности меня привлекают возможности выработки таких методик, в которых бы сочетались методы социологии и психологии, ведь возрастающая рефлексивность, характерная для западных обществ, наших людей и нашего украинского общества коснулась незначительно. Я убеждена, что во внутреннем мире нашего постсоветского человека с огромным преобладанием доминируют иррациональные неосознанные составляющие, для которых применения количественных и даже качественных методик анализа недостаточно. Переход к использованию завещанных П.Штомпкой невербальных методов социологического исследования с акцентом на применении изучения, например, фотографии или социальной иконографии, во-первых, позволит поразмышлять скорее над внешними выражениями социальности, нежели над скрытым внутренним миром, а во-вторых, принесет значительную долю субъективности самого социолога-исследователя в осмысление зафиксированных событий и фигур. В итоге в нашей стране мы будем иметь дело с самовыражением того или иного исследователя скорее, чем с научно установленными фактами, что в конечном счете делает социологию наукой. Но нельзя проигнорировать призыв Штомпки развивать социологию повседневности, ведь именно здесь будут обнаруживаться, очевидно, наиболее важные для современного человека связи, коммуникации, взаимодействия и отношения.

Еще раз выражаю благодарность организаторам дистанционного круглого стола из исследовательского комитета САУ “Социология личности” и в то же время призываю подумать над созданием разнообразных форматов проведения заседаний нашего социологического сообщества, ведь, как справедливо отметили участники, Интернет открывает для этого широкие возможности.

Евгений Головаха

Интернет-коммуникация социологов: комментарий к материалам круглого стола

Способ коммуникации, именуемый круглым столом, имеет, как известно, давние традиции. Думаю, что ученые мужи прошлого, поддержавшие почин короля Артура и его рыцарей, руководствовались идеями равноправия всех благородных участников научных собраний. Именно это — равенство всех участников независимо от их степеней, званий и должностей так привлекает свободомыслящих ученых, которые хотя бы на какое-то время жаждут отрешиться от вопиющих социальных